

Писала графиня Софья Андреевна.

Писала она о томъ, что Левъ Николаевичъ проситъ отклонить мой прїездъ для портрета.

«Левъ Николаевичъ старъ, писала графиня, «ему необходимо полное уединеніе, ему трудно будетъ позировать, онъ очень занятъ и много работаетъ...

Простите, если я огорчаю васъ этимъ отказомъ». Всѣ мои надежды рухнули...

Прощай, портретъ, прощай, Ясная Поляна!

Не увижу я Льва Николаевича. Не увижу никогда! я бредилъ, какъ во снѣ.

Съ тоски я уѣхалъ на Волгу и исколесилъ ее вдоль и поперекъ. Часто, стоя на палубѣ парохода, я думалъ: а вдругъ Левъ Николаевичъ не знаетъ о моемъ письмѣ? Неужели онъ самъ успѣваетъ просматривать огромную корреспонденцію, получаемую въ «Ясной Полянѣ» со всего свѣта. Я слыхалъ гдѣ-то, что въ «Ясной Полянѣ» „ведется строгій контроль“ и не всегда охотно допускаются ко Льву Николаевичу. Какъ-то не вѣрилось этому.

Огромное паломничество въ «Ясную Поляну», куда стекались почитатели и поклонники великаго писателя, гдѣ всякій находилъ отвѣтъ на волнующіе вопросы, заставляли меня думать, что ворота „великой обители“ открыты настежь для всѣхъ желающихъ постучаться въ домъ Льва Николаевича Толстого.

Вся моя походная библиотечка состояла изъ произведеній Толстого.

Закрывшись въ своей каютѣ на пароходѣ, я цѣлыми ночами перечитывалъ томъ за томомъ